

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА

Рассматривается категориальное пространство интернализации личностного выбора как ведущего механизма становления личности на стадии формирования личностной автономии. Личностная автономия рассматривается как возможность, способность и необходимость личности организовывать своё поведение под регулирующим влиянием внутреннего локуса каузальности.

Ключевые слова: личностный выбор; интернализация; цель; ценность; автономия.

Выбор – это языковая единица, обозначающая действие по значению слова «выбирать». Семантический анализ слова «выбор» позволил определить его значение в самом общем виде как активное сведение некоторым субъектом поля вероятного (возможного) к состоянию конкретного, единичного, реального под структурирующим влиянием явно или неявно заданной цели. Психологическая трактовка слова «выбор» в качестве понятия определяется нами как создание новой единицы (категории) субъективной реальности посредством установления системной связи между несколькими уже существующими единицами (категориями) субъективной реальности, называемыми альтернативами выбора. Объектом нашего изучения является выбор, осуществляемый человеческой личностью как целостностью.

Личностным мы называем выбор, в структуре которого актуализируются и трансформируются психологические феномены, являющиеся результатом самосознания и определяющие личность как иерархически организованную целостность, не выводимую из отдельных её элементов. К таким феноменам относятся, прежде всего, системы ценностных ориентаций личности и личностных смыслов. Соответственно, ситуация личностного выбора характеризуется предъявлением требования целно-личностного опосредствования принятия решения, т.е. осмысления и целесообразной трансформации вышеуказанных организующих личность систем. Личностный выбор является способом и элементарным актом систематизации и структурирования субъективной реальности, чем и определяется его роль в динамике функционирования личности.

Н.Ф. Наумова указывает на то, что «общественный характер удовлетворения потребностей человека означает, что социальные предметы многофункциональны по отношению к ним, и каждая из этих потребностей может быть удовлетворена с помощью различных социальных объектов. Следовательно, однозначной логической или мотивационной связи между индивидуальной потребностью как внутренним состоянием и социальными предметами как средством её удовлетворения не существует» [1. С. 62]. В связи с этим мы рассматриваем личностный выбор, прежде всего, как способ постановки личностной цели, что предполагает, во-первых, конструирование (или актуализацию) возможных альтернатив выбора, а во-вторых – сознательное или бессознательное самоопределение в этих альтернативах. Мы полагаем, что среди созданных альтернатив выбора приоритет, т.е. статус цели, получают те, которые соответствуют внутренне принятым ценностно-смысловым критериям для их сравнения. В этой связи возникает потребность в изучении концепта интернализации личностного выбора – механизма формирования внутренних ценностно-смысловых критериев

оценки альтернативных целей, а также становления приоритета внутренних критериев над внешними.

Интернализация – принятое большинством психологов понятие, в самых общих чертах отражающее процесс, «посредством которого объекты внешнего мира получают постоянное психическое представление, т.е. посредством которого восприятия превращаются в образы, формирующие часть нашего психического содержания и структуру» [2. С. 60]. По замечанию М.С. Яницкого, подобная трактовка сближает понятие «интернализация» с интериоризацией – концепцией, предложенной Л.С. Выготским и развитой многими отечественными психологами в рамках психологической теории деятельности. Понятие интериоризации изначально трактовалось как основной механизм социализации, посредством которого человек усваивает изначально внешние социальные отношения с различными сферами общества, переводя их во внутренний план. Позднее большинство отечественных авторов, опираясь на представления П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, Н.Ф. Талызиной, стали понимать интериоризацию как преобразование структуры познавательной деятельности в структуру внутреннего плана сознания, как процесс формирования умственных действий [3]. Принятая сегодня интерпретация явно сужает понятие интериоризации и, как справедливо пишет А.Г. Асмолов, «первоначальный более широкий смысл понятия «интериоризация» как механизм социализации оказался в тени» [4. С. 114]. На основе проведенного анализа различных вариантов значений терминов «интериоризация» и «интернализация» мы сделали вывод, что они являются пересекающимися, обладая при этом своей спецификой. Так, общим для них является обозначение механики перехода внешнего во внутреннее. Однако в случае «интериоризации» речь идёт о внешних по отношению к индивиду действиях (совместных или индивидуальных), которые, переходя извне вовнутрь, становятся психологическими (идеальными, информационными) новообразованиями либо психологическими действиями, лишенными физической поведенческой компоненты. В случае же «интернализации» речь идет о внешних по отношению к личности социальных нормах, ценностях и установках, которые, переходя извне вовнутрь, трансформируют и систематизируют структуру личности. То есть в первом случае мы имеем дело с интериоризацией как механизмом психического развития, а во втором – с интернализацией как механизмом личностного развития.

А.В. Серый в этой связи аргументирует точку зрения, что интернализация – это сложный механизм, предполагающий сознательное и активное восприятие окружающего мира, а также активное воспроизводство принятых норм и ценностей в своей деятельности.

Кроме того, интернализация подразумевает принятие на себя ответственности, интерпретацию значимых событий как результата своей собственной деятельности [3. С. 60].

Для определения категориального пространства механизма интернализации мы считаем необходимым рассмотреть отдельные философские представления о человеке как о морально-нравственном существе.

Еще Аристотель, рассматривая в «Большой этике» отдельные виды благ, впервые вводит термин «ценимое» («тимиа»). Он указывает, что «тимиа» располагаются в трех сферах относительно человека: в душе («аретэ» – добродетели), в теле (здоровье, красота) либо вне того и другого (богатство, власть, почет). При этом высшим благом будут добродетели («аретэ»), т.е. этические ценности, являющиеся внутренними целями и выражающие сущность человека. Аристотель утверждает, что одни добродетели могут быть сформированы посредством обучения, другие – посредством воспитания соответствующих привычек. Следовательно, высшие ценности являются таковыми, только если локализируются в самом центре человеческого существа, т.е. в душе, но «попадают» они туда, т.е. интернализируются, вследствие определенных процессов становления человека в обществе.

Восточная, и прежде всего конфуцианская, философия особое внимание уделяла вопросам соотношения внутренних и внешних источников происхождения этических ценностей и норм. Главными проявлениями важнейших этических категорий конфуцианства «дао и дэ» на личностном уровне являются «благопристойность» («ли») и «гуманность» («жэнь»), составляющие вместе двуединую ось конфуцианства, вокруг которой концентрируются все его остальные этические категории [5. С. 753]. Нормативные принципы «ли», определяемые как благопристойность, этикет, ритуал, церемонии и т.п., представляют собой совокупность детально разработанных правил, обрядов, жестко регламентированных обществом форм поведения, обязательных для тщательного исполнения. По словам И.И. Семененко, в изречениях Конфуция нет ориентации на выработку внутренних критериев человеческого поведения, отличных от принятых норм, однако он переводит традиционные нормы внутрь человека, делая их областью личных, глубоко интимных переживаний [6. С. 175]. Способом внутреннего принятия этических ценностей выступает «гуманность» («жэнь»), которую сам Конфуций определял, с одной стороны, как «любовь к людям», а с другой – как «преодоление себя и возвращение к ритуальной благопристойности» [7. С. 57–61]. Понятие «жэнь», по словам И.И. Семененко, означает интериоризацию нравственных ценностей и правил этикета, превращение их во внутреннюю природу, естественную и безотчетную потребность человека. «Жэнь» интерпретируется им как нечто идентичное человеческой воле, как активность человека [6. С. 183–187]. Мы полагаем, что уместно будет отметить, что понятие интериоризации используется в данном случае И.И. Семененко больше в его первоначальном значении, т.е. значении, которое мы склонны присваивать категории интернализации, поскольку речь идет о становлении «гуманности» как внутренней, безотчетной необходимости человека, неизбежно реализующейся в поведении.

И. Кант снимает противоречие между категориями «свободы» и «долга». По его мнению, материалом подлинной свободной воли является целеполагание, продиктованное представлениями о должном, отражающими нравственность и моральный закон. С точки зрения И. Канта, долг и нравственность противопоставлены не свободе, а чувственной природе человека, его склонностям к счастью, которое заключается в их удовлетворении. Так, «именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность». Однако, по его словам, при наличии неудовлетворенных потребностей у человека может возникнуть искушение нарушить долг, из чего он делает вывод, что «обеспечить себе свое счастье есть долг» [8. С. 234]. Следует отметить, что, согласно И. Канту, представления о долге и нравственности хотя и проявляют себя через общественную мораль, берут своё начало не в ней, а в разуме, являющемся основным механизмом свободного целеполагания. В.Ф. Асмус так характеризовал представления И. Канта о разуме: «Разум, с его точки зрения, вовсе не подвергается воздействию чувственности. Хотя его способ обнаружения в деятельности меняется, сам он не изменяется. Он присутствует и остается одинаковым во всех поступках человека, при всех обстоятельствах времени... он определяет состояние, но не определяется им» [1. С. 58]. То есть разум является односторонне влияющим критерием сравнения альтернатив, и потому – источником свободы. Таким образом, первичным механизмом становления нравственной личности, согласно И. Канту, можно назвать процесс экстернализации как опредмечивания императивов разума общественно закрепленными ценностями, которые, в свою очередь, интернализируются, формируя индивидуальное представление о счастье как об обусловленной разумом реализации чувственно-потребностной природы человека.

В русской религиозной философии, в частности в работах В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, имеет место понятие духовности, отражающей божественное начало в человеке и связующей человека с идеальной и абсолютной сферой ценностей, имеющих божественное происхождение. Так, Бог через внутреннюю духовность, т.е. посредством самого себя в человеке, определяет критерий нравственности как приближение к абсолютной полноте бытия либо отдаление от нее. В данном случае мы не наблюдаем самого механизма интернализации, однако видим постулирование одновременно интернальной и экстернальной природы высших критериев оценки человеческого поведения.

Ф. Ницше также постулировал, что источник нравственности является одновременно интернальным и экстернальным, однако духовной природе высших регуляторов поведения он противопоставляет биологическую, естественную, инстинктивную природу. По его словам, «все добродетели суть физиологические состояния, а именно главнейшие из органических функций, которые ощущаются как необходимые» [9. С. 706]. Схожую позицию занимает идеолог русского революционного анархизма П.А. Кропоткин.

В марксистско-ленинской философской традиции отчетливо прослеживается одностороннее видение ис-

точником ценностно-нормативных и морально-нравственных ориентиров поведения человека и становления личности конкретное общество с его историей и актуальными задачами развития. Э.Г. Юдин полагает, что «если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере идеалов и ценностей человека. Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в той сфере, где формируются цели человека и строится образ действительности» [1. С. 60]. Можно предположить, что понятие интернализации находит свое место в данной традиции как однонаправленный процесс формирования объективным началом человеческой деятельности (через общественно заданные нормы и ценности) субъективной основы этой деятельности, имеющей форму изначально «безличного, стихийно протекающего потока сознания» [1. С. 60].

В западной социофилософской традиции ставится проблема принятия личностью общественных ценностно-нормативных ориентиров. По мнению Э. Дюркгейма, механизмом, регулирующим поведение человека в обществе, является внутреннее принятие им социальных ценностей посредством внешнего принуждения: «Мы явственно ощущаем, что не являемся хозяевами наших оценок, что мы связаны и принуждаемы. Нас связывает общественное сознание» [10. С. 290]. Очевидно, что речь идет о ведущей роли механизма адаптации отдельного человека к обществу в целом. В работах М. Вебера, У. Томаса и Ф. Знанецкого, Т. Парсонса принятие личностью ценностей общества выступает уже как последовательный процесс. Этими социологами рассматриваются процессы соотношения субъективных оценок с объективной исторической системой ценностей, в контексте «социальной ситуации», включающей как объективно существующие социальные ценности, так и субъективные установки [3]. По мнению Т. Парсонса, при «ориентации деятеля на ситуацию» происходит взаимодействие и взаимообмен ценностно-нормативного содержания этих двух подсистем посредством институционализации (узаконения обществом в процессе легитимизации) и интернализации (внутреннего принятия личностью в процессе социализации) [3].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что среди философских представлений о человеке как морально-нравственном существе значительное место занимает проблема ценностно-нормативного становления личности, усвоения имеющих объективную природу (хотя и в разнообразном понимании объективности) ценностей и ориентирования личности среди них. Во многих философских течениях становление личности полагается как последовательный процесс соотношения реального мира данности человеческой жизни и идеального мира данности абсолютных ценностей независимо от того, понимается под реальностью духовная, социальная или биологическая природа. Важным выводом является то, что становление личности видится в основном как двунаправленный процесс стремления человека к идеальному состоянию, с одной стороны, и стремления идеальной сферы проявить себя через человека – с другой. Стремление человека определяется в понятиях необходимости принятия внутренне обуслов-

ленной гуманности, эмоционального интуитивизма, определяющего субъективную значимость идеальных ценностей, стремления чувственной природы человека к счастью, внутренней избирательной духовности, либо же необходимостью реализации главнейших физиологических инстинктивных состояний. Стремление идеальной сферы проявить себя через человека рассматривается философами в основном как влиятельное, информационное или давящее начала общественно-исторических моральных норм и ценностей, осваиваемых человеком с большим или меньшим оттенком долженствования в процессе освоения социальной сферы. Также в качестве источника высших регуляторов поведения рассматриваются «идеальное бытие», божественный дух, законы естественной природы. Среди средств, опосредствующих взаимопроникновение личности и внешних регуляторов активности упоминаются развитие благопристойности, воспитание привычек следования определенным ценностям, произвольное следование чувству долга, ориентировочная роль чувственного «интуитивизма», сверхчеловеческое стремление к власти, давление общественного сознания и пр. Этот минимальный перечень философских идей относительно морально-нравственного статуса становления личности необходим, чтобы подчеркнуть, что философия сохраняет свою роль источника эмпирических гипотез и теоретических подходов для наук, исследующих сложные формы человеческого поведения. В философской традиции были более-менее категорично определены варианты конечного становления человека как одновременно носителя и создателя морально-нравственных и ценностных ориентаций широкого общества, в процессе которого механизм интернализации, по нашему мнению, определяет, с одной стороны, логику направления становления личности, и с другой стороны, является необходимым аспектом этого процесса. Однако внутреннее, психологическое содержание механизма интернализации и его функциональная роль в процессе становления личности не могут быть раскрыты в рамках философского подхода, поскольку последний направлен скорее на создание категориальных пространств различных представлений о личности, нежели на методическое изучение процессов и механизмов её функционирования. Последнее является предметом изучения социальной психологии личности, а потому может быть понято только с точки зрения психологического и социально-психологического подходов к изучению человека.

Собственно, в психологии традиционно интерес к изучению механизма интернализации прежде всего связан с проблемой определения психологических факторов развития и становления личности как инструмента и итога взаимодействия человека и общественной культуры, а именно проблемы усвоения, внутреннего принятия и активного воспроизводства личностью культурно-исторического опыта. По словам В. Дильтея, главным предметом анализа «описательной» или «понимающей» психологии является «душевная жизненная связь», включающая «как основные отношения наших представлений, так и постоянные определения ценностей, навыки нашей воли и господствующие целевые идеи» и содержащая, таким образом, «правила, ко-

торым, хотя мы часто это и не сознаем, наши действия подчиняются» [11. С. 336]. Большинство психологов акцентируют внимание на необходимости существования внутренних условий принятия личностью тех или иных ценностей, при этом мнения относительно качества и природы этих условий значительно варьируются.

Теоретический анализ психологических исследований динамики развития личности позволяет сделать вывод о том, что механизм интернализации становится ведущим на заключительных этапах становления человека, одним из важнейших итогов которого является качество личности, которое принято называть интернальностью. По нашему мнению, интернальность как устойчивое свойство личности развивается в результате постепенной интернализации все более системообразующих (обобщенных и обобщающих) регуляторов психической активности и поведения в целом. Традиционно об интернальности говорят в связи с концепцией локуса контроля, предложенной теоретиком социально-когнитивного научения Дж. Роттером. Понятие локуса контроля определялось Дж. Роттером как «обобщенные ожидания человека относительно того, в какой степени подкрепления зависят от его собственного поведения (интернальный локус контроля), а в какой – контролируются силами извне (экстернальный локус контроля)». Одним из результатов систематического изучения локуса контроля явилось создание «шкалы внутреннего и внешнего контроля», которая впоследствии была адаптирована и трансформирована Е.Ф. Бажиным, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткиндром к русскоязычной культуре в виде широко известного теста «уровень субъективного контроля». В результате внушительного количества психологических исследований с использованием этой методики было установлено, что УСК является интегральным отражением большинства системных характеристик личности, а также значительным психологическим фактором влияния на характер человека, на стили поведения в разнообразных отношениях и на другие «внешние» характеристики личности [12]. Такой исследовательский статус концепции локуса контроля, по нашему мнению, подтверждает, что механизм интернализации является сквозным для личностной динамики, а интернальность как качество личности применительно к психологиче-

ским регуляторам поведения в широком смысле, вероятно, характеризуется интегрированностью последних в «Я» личности.

Концепция локуса контроля была развита в концепцию локуса каузальности в теории автономии личности Э. Деси и Р. Райана. Воспринимаемый локус каузальности определяется авторами как когнитивный конструкт, представляющий степень, с которой человек является самодетерминированным при планировании и осуществлении какого-либо поведения. Локус каузальности может быть интернальным и экстернальным. Отличия между ними характеризуются авторами через понятия информационного и контролирующего события. Информационным они называют событие, актуализирующее потребность в автономии, т.е. порождающее смысловую причину осуществления выбора, в то время как восприятие события контролирующим основывается на потребности в контроле и само, являясь причиной, задаёт направление выбора. Если поведение человека регулируется больше информационными событиями, то говорят о внутреннем локусе каузальности, если же контролирующими – о внешнем. Механизм интернализации в концепции Э. Деси и Р. Райана заключен в переключении внешней движущей силы и средств поведения во внутреннюю [13].

Таким образом, интернализация личностного выбора понимается нами как механизм становления личностной автономии, основным итогом которого является формирование интернальности как внутренней необходимости воспринимать происходящие внутри и вне личности события как информационные, что отражает регулирующее поведение человека убеждение в способности порождать причины для собственной активности, целью которой является реализация ценностей, имеющих статус интегрированных в «Я» личности ориентиров для личностного выбора. В процессе интернализации изначально интерпсихические категории социально-психологической реальности трансформируются в интрапсихические категории субъективной реальности и интегрируются в «Я» личности, что приводит к интерпретации субъектом значимых для себя событий как естественных результатов активного воспроизводства интернализованных норм, ценностей, установок и убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. 200 с.
2. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Пер. с англ.; Под ред. С.М. Черкасова. СПб., 1995. 288 с.
3. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
5. Китайская философия: Энциклопедический словарь / Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. 573 с.
6. Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М.: МГУ, 1987. 302 с.
7. Конфуций. Изречения / Пер., предисл. и ком. И.И. Семенова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 128 с.
8. Кант И. Сочинения: В 6 т. Пер. с нем. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 544 с.
9. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей: Пер. с нем. М., 1994. 352 с.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с фр. М.: Канон, 1995. 352 с.
11. Дильтей В. Описательная психология // История психологии (10–30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. 2-е изд. / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 319–346.
12. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М.: Смысл, 1997. 64 с.
13. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 103–122.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 11 сентября 2009 г.